

Мужчина указал на Оу Хэна, который старался быть незаметным, но внезапно был упомянут и оказался не в своей тарелке.

— Если бы у тебя была хоть капля совести, ты бы ушёл и дал бы Лань Ханю шанс. Как может быть такой злой человек, который мешает другим? Ты...

— Хлоп!

— Ай, аааааа...

Оу Хэн схватил стоящий перед ним чайник с горячим чаем и швырнул его в мужчину, попав ему в руку. Тот не успел увернуться и издал визг, похожий на свинной.

— Кто ты такой, чтобы указывать на меня? Я терпеть не могу, когда на меня указывают. Этот мужчина рядом со мной — мой, с самого детства. А этот Лань Хань, ты что, привык быть любовницей? Думаешь, что каждая шлюха может понравиться всем? Ты больной? — Оу Хэн был в ярости. Его человек, кто смеет на него заглядываться?

— Мистер Оу, вы должны отвечать за свои слова. Пожалуйста, мистер Ли, вызовите скорую, у Сунь Линя серьёзная травма. И я надеюсь, что мистер Оу извинится передо мной, иначе мой адвокат лично с вами поговорит.

Лань Хань стоял рядом с Сунь Линем, осмотрел его рану и с видом непоколебимой уверенности заговорил, хотя его взгляд, постоянно обращённый к Ли Цзюнью, выдавал его.

— У тебя нет своего телефона? Разве я сказал что-то неправильное? — Оу Хэн посмотрел на Ли Цзюнью.

— Нет, моя дорогая, всё, что ты сказала, правильно. — В этот момент Ли Цзюньюй очень хотел погладить волосы Оу Хэна, которые встали дыбом от злости, как у маленького котёнка.

— Мистер Ли, вы так несправедливы? Я разочарован в вас... — Лань Хань с видом, готовым заплакать, вызвал у своих поклонников желание защитить его.

— Босс, это... — Менеджер «Императорского города» с охраной поспешно подошёл.

— Выгоните их всех, они теперь в чёрном списке «Императорского города», их семьи тоже. Впредь будьте внимательнее, не пускайте сюда всяких кошек и собак. Те, кто разглашает личные данные гостей, нам не нужны, если не можете управлять, то можете уходить.

— Да-да, я сейчас... — Менеджер с охраной, не обращая внимания на их сопротивление, выгнали их. Лань Хань продолжал кричать, выражая своё разочарование в Ли Цзюньюе и в «Императорском городе». Его вид был ужасен, никаких следов прежнего утончённого и благородного образа.

Фальшивое всегда остаётся фальшивым, как бы ни старались его скрыть.

— Тщательно проверь своих людей, твоё местоположение было раскрыто, тебе надоело жить?

— Ли Цзюньюй без церемоний отчитал Мин Цзюаня.

— Я знаю. — Мин Цзюань кивнул, в его голове уже был план.

— Первого мая я и Эр-эр обручимся, запомните, приглашения скоро будут у вас. — Ли Цзюньюй обнял взъерошенного Эр-эра, успокаивая его, поглаживая по спине.

— Как быстро... — Кроме Чжан Сюаня, который немного позавидовал, остальные поздравили их. Чжан Сюань с укором посмотрел на Цинь Шу.

— Лань Хань, что случилось? Почему всё не так, как ты говорил? Мы в чёрном списке, что делать? — Ли Тин, как только её выгнали, растерялась. Если её семья узнает, что из-за неё их внесли в чёрный список «Императорского города», её побьют так, что она не сможет встать с постели несколько месяцев. Ведь посещение «Императорского города» — это знак статуса.

— Всё в порядке, твой двоюродный брат не будет с тобой ссориться, объясни ему, он дружит с владельцем этого места, он тебе даст лицо, чёрный список — это просто слова. — Лань Хань с глубоким взглядом смотрел внутрь «Императорского города», сжимая кулаки. Его прежняя утончённость и высокомерие, которые работали на других мужчин, не сработали на Ли Цзюньюя. Всё из-за Оу Хэна.

Такой прекрасный мужчина должен быть его.

— Мой двоюродный брат меня заблокировал, моя тётя тоже, как я могу объяснить? Ты говорил, что есть выход! — Ли Тин начала свой характерный визг, привлекая внимание прохожих, что заставляло Лань Ханя чувствовать себя неловко, будто все над ним смеются.

Ли Тин изначально не хотела идти, ведь урок, полученный в тёмной комнате, был ещё свеж в памяти. После того как она рассказала родителям, она не получила никакого утешения, тётя тоже не утешила её, и она всё ещё боялась.

Лань Хань сказал, что сможет убедить её двоюродного брата, и как только они поговорят, Оу Хэн больше не будет иметь значения. Лань Хань неоднократно уверял её и говорил о многих преимуществах, и она согласилась, но теперь всё обернулось вот так. Ли Тин жалела о своём решении.

— Заткнись. — Лань Хань впервые резко сказал Ли Тин, полностью потеряв образ благородного интеллектуала. Такой Лань Хань напугал Ли Тин, и она отступила на несколько шагов.

— Тинтин, ты должна мне верить, всё будет хорошо. Кровь гуще воды, ты для тёти и двоюродного брата важнее, чем чужой человек. — Лань Хань, увидев, что потерял контроль над эмоциями и напугал Ли Тин и других поклонников, быстро взял себя в руки и с мягкой улыбкой утешил её.

— Сначала отведём Сунь Линя в больницу. — Лань Хань, успокоив Ли Тин, убедился, что она больше не боится его, и обратился к Сунь Линю, заботливо спрашивая о его состоянии. Его покрасневшие глаза вызвали у Сунь Линя желание отдать за него свою жизнь.

Перед возлюбленным Сунь Линь старался не показывать боли, демонстрируя, что рана не серьёзная.

Лань Хань медлил, никто не вызвал скорую, и когда они добрались до больницы, рука Сунь Линя уже была повреждена.

В будущем она может потерять подвижность, болеть в дождь и не сможет поднимать тяжести.

— Прости, это моя вина, если бы не я, Сунь Линь, ты бы не получил такую серьёзную травму, рука бы не... — Лань Хань с покрасневшими глазами заплакал, слёзы текли сами собой, как из крана, вызывая жалость.

— Это не твоя вина, всё из-за этого белоручки, какое это имеет отношение к тебе, к тому же я сам согласился. — Сунь Линь сел на кровати, не обращая внимания на иглу в руке, и кровь пошла обратно.

Медсестра вошла в палату.

— Эй, что это за родственники, плачут, а больной вытирает слёзы? Теперь кровь пошла обратно, вы рады? — Медсестра, увидев, как Лань Хань плачет, а пациент вытирает ему слёзы, сочла это нелепым.

Плакать перед больным — это плохая примета.

— Я... — Лань Хань не знал, стоит ли ему продолжать плакать, застряв в неловком положении. Его лицо выглядело ужасно, а тональный крем размазался, делая его лицо пугающим.

— Лань Хань, твоё лицо... — Сунь Линь испугался лица Лань Ханя, на котором были глубокие следы слёз. Он быстро лёг обратно, боясь приближаться к Лань Ханю.

— Я схожу в туалет. — Он забыл, что сегодня нанёс макияж, и когда заплакал, он размазался. Лань Хань сбежал в туалет, взяв свою сумку. В зеркале его лицо выглядело пугающе даже для него самого.

Лань Хань едва не разбил тональный крем в ярости.

Но он сдержался, быстро обдумывая, как выкрутиться из ситуации. Лань Хань умыл лицо, нанёс слой бледного тонального крема и подкрасил губы, пока не добился естественного вида, и только тогда вышел.

— Прости, сегодня я выгляжу не очень хорошо, поэтому немного подправился, наверное, тебя напугал, но, думаю, теперь тоже напугал. — Лань Хань с горькой улыбкой сказал, насмехаясь над собой.

Медсестра скептически скривила губы. Тональный крем на лице не так уж и незаметен. Опытный человек в макияже всё видит.

— Нет, ничего, не стой, садись, стоять утомительно. — Сунь Линь смущённо сказал, не решаясь на какие-либо близкие действия. От того, что он видел, у него до сих пор было немного страшно.

— Ты, негодяй, что опять натворил? Ты всё время шлеешься и бездельничаешь! — Голос отца Сунь Линя раздался в палате раньше, чем он сам появился. Сунь Линь, услышав голос отца, невольно отпрянул назад.

Затем, чувствуя, что его поведение выглядит жалко, он улыбнулся Лань Ханю и сел прямо, пытаясь сохранить достоинство.

<http://bllate.org/book/16768/1541290>